

Художник Тимо Вурц

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН

Шесть серебряных пуль

Джордж Мартин

Шесть серебряных пуль

«АСТ»

1988

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84(7Сое)-44

Мартин Д. Р.

Шесть серебряных пуль / Д. Р. Мартин — «АСТ», 1988

Когда в небольшом провинциальном городе происходит зверское убийство молодой девушки, частный детектив Рэнди Уэйд берется за дело по просьбе своего друга Уилли Фламбо. Вскоре она понимает, что это убийство каким-то образом связано с похищениями детей и гибелью ее отца, офицера полиции, якобы растерзанного диким животным. С тех кошмарных событий прошло двадцать лет... Может ли это быть один и тот же убийца? И что недоговаривает Уилли?

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84(7Сое)-44

© Мартин Д. Р., 1988
© АСТ, 1988

Содержание

1	6
2	7
3	11
4	15
5	18
6	22
7	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Джордж Мартин

Шесть серебряных пуль

Copyright © 1989 by George R. R. Martin

© А. Жаворонков, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

1

Запах крови Уилли почуял еще за квартал от дома, где жила Джоан.

Уилли замер и вдохнул поглубже стылый вечерний воздух. Стояла поздняя осень, нудно моросил дождик, да и ветер задувал с реки, так что этот запах меди, острых пряностей и огня был едва уловим. Но только не для него. Этот запах Уилли не спутал бы ни с чем. Так пахнет только человеческая кровь.

Легко зашуршали шины, и на дорожке показался велосипедист в ярко-оранжевой куртке. Уилли, пятясь, укрылся в кустах. Что за осел разъезжает по парку в столь поздний час! Уилли протяжно взвыл. Велосипедист, растерянно оглядевшись, нажал на педали и вскоре растворился в сгущающемся сумраке.

Уилли вышел к краю парка и, прячась за кустами, оглядел улицу. Перед домом Джоан, сверкая красными и голубыми мигалками, стояли две патрульные машины, а издали неслось завывание сирен, предвещающая прибытие еще нескольких полицейских автомобилей.

Что, черт возьми, происходит? От тяжелого запаха человеческой крови у Уилли голова пошла кругом и отчаянно забилося сердце. Опасаясь худшего, он развернулся и припустил в глубь парка, забыв, что его могут заметить. От стремительного бега в легких начало саднить, а язык готов был вывалиться изо рта, но Уилли, не сбавляя темпа, домчался до самого берега реки. Только здесь он остановился, пытаясь унять дрожь, а потом забился под опору моста и принялся невидящим взглядом провожать редкие автомобили, проносящиеся где-то вдали, и вслушиваться в жизнь ночного города.

Минут через десять, когда самообладание вернулось, Уилли покинул свое убежище. На глаза ему попалась белка. Быстрыми прыжками она передвигалась от одного дерева к другому. Мгновение – и зверек оказался во власти Уилли. Густая кровь и сочная плоть белки сначала обожгли ему рот, а затем наполнили силами. Пора было возвращаться домой.

2

– И прошу тебя, Уилли, не заговаривать мне зубы, – с лукавой строгостью произнесла Рэнди Уэйд. – Ты все равно не добьешься от меня того, о чем мечтаешь.

Невысокий парень, глядя в зеркало над кушеткой, придал своему лицу обиженное выражение и, повернувшись к Рэнди, изрек:

– Так вот, значит, какого ты обо мне мнения! Я прихожу к тебе, прошу помощи, а что получаю в ответ? Обвинения в приставаниях! А я-то считал тебя своим старым другом!

– Тогда почему же с первого дня знакомства ты допускаешь всякие вольности? – запальчиво сказала Рэнди.

От греха подальше Уилли сменил тему разговора:

– А ты все-таки любитель, Рэнди. Только дилетант может заниматься бизнесом в таких апартаментах. – Уилли расположился в кресле, обитом красным бархатом. – Не пойми меня превратно, мне здесь нравится, и кресла в викторианском стиле весьма по душе, и еще я жду не дождусь, когда же мне будет наконец позволено заглянуть в спальню... Но, подруга моя, ты же – частный детектив, и тебе просто полагается иметь крошечный офис в самой неблагополучной части города. Ну сама знаешь, такую запыленную комнатенку со стеклянной дверью... И в твоём письменном столе непременно должна отыскаться початая бутылка дешевого виски, а по углам обязаны громоздиться обшарпанные шкафы, собственноручно переделанные в картотеки...

Рэнди улыбнулась:

– А ты хотя бы отдаленно представляешь, в какую сумму мне влетит аренда так живо описанного тобой крошечного офиса? Да он мне, в общем-то, и ни к чему. Ведь у меня есть телефон, и его номер, между прочим, занесен в «Желтые страницы»...

– «ААА. Сыскное Агентство Уэйд»? – ехидно поинтересовался Уилли.

– Да. А ты что-то имеешь против?

– Рэнди, душка, мне понятно твоё желание открывать список всех детективных агентств города, но, по-моему, если бы Господу Богу было угодно, чтобы все на свете названия и имена начинались на «А», то изобретать остальные буквы Он бы не стал. – Но, видимо, вспомнив, зачем пришел, Уилли оставил шуточный тон: – Так ты поможешь мне или нет?

– Может, и помогу, но уж точно никак не раньше, чем ты расскажешь мне, что произошло, – заметила Рэнди, хотя про себя уже давно решила, что сделает для Уилли все от нее зависящее.

Уильям Фламбо ей нравился; она была даже не против его упорных, слегка неуклюжих приставаний. Хотя в этом Рэнди ни за что бы не призналась. Кроме того, она была у Уилли в долгу. Познакомились они при весьма неприятных обстоятельствах: Рэнди оказалась наследницей множества просроченных счетов, оставленных ей бывшим неверным супругом. Тогда-то к ней в дом и пожаловал Уилли – служащий местного банка, а точнее отдела, который занимается дебиторскими задолженностями. В те дни Рэнди никак не могла отыскать работу, находилась в расстроенных чувствах, и Уилли, проникшись к ней состраданием, предложил молодой женщине поработать в стае «Гончих ада» – так, несколько выпендриво, он именовал свой отдел. Нельзя сказать, что выдавливание из людей долгов пришлось Рэнди по душе, но в то тяжелое время даже такая работа казалась ей даром небес. В общем, она поступила на службу в банк, а уволилась оттуда лишь после того, как смогла оплатить все свои счета.

Уилли, внезапно съжившись в кресле, хрипло сказал:

– Рэнди, дело-то очень серьезное.

Рэнди знала Уилли несколько лет, но ни разу еще не видела друга таким испуганным. Она села на кушетку и тихо произнесла:

– Я внимательно слушаю. Говори, что стряслось.

– Ты видела утренний «Курьер»? – спросил он. – Читала статью о девушке, убитой на Парковой улице?

– Да, читала, – призналась Рэнди.

– Она была моим другом.

– О господи! – Рэнди поняла свою бестактность по отношению к Уилли. – Извини, я не знала.

– Джоан была совсем еще ребенком, – сказал Уилли. – Недавно ей исполнилось двадцать три. Тебе бы она понравилась. Она была умной и решительной, хотя еще в выпускном классе болезнь приковала ее к инвалидному креслу. Винават ее тогдашний приятель. После веселой вечеринки вызвался подвезти домой, ну и не справился с управлением. Машина на полном ходу врезалась в столб. Парень скончался на месте, а Джоан сломала позвоночник и на всю жизнь потеряла подвижность ног. Но она молодец, присутствие духа сохранила: закончила школу, поступила в колледж и даже закончила его с отличием. Потом смогла найти неплохую надомную работу.

– И ты знал ее все эти годы?

Уилли покачал головой:

– Нет, впервые мы встретились чуть больше года назад. Она слегка переоценила свои финансовые возможности, как это бывает, когда кредитную карточку получают по почте... Ну, обычная история. В общем, я представил ей «Мистера Ножницы», и мы с ней стали друзьями, почти как с тобой. – Уилли посмотрел Рэнди прямо в глаза: – В газете сообщалось, что ее тело было изуродовано. Убить калеку само по себе омерзительно, но еще и... – На Уилли нака-

тил приступ астмы: словно выброшенная на сушу рыба, он принялся ловить воздух широко открытым ртом. Лишь через несколько секунд он смог заговорить вновь: – И что, черт возьми, означает «она была изуродована»? Может, в нашем городишке объявился Джек Потрошитель?

– Не знаю, – призналась Рэнди. – А разве это так важно?

– Для меня – очень. – Уилли вытер губы тыльной стороной ладони. – Я сегодня звонил в полицию, но назвать свое имя отказался, и полицейские не дали мне никакой информации. Через знакомых мне удалось выяснить, как похоронят Джоан. Из морга ее вынесут в закрытом гробу и немедленно кремируют. Сдается мне, что тут дело нечисто.

– Что значит «нечисто»? – спросила Рэнди.

– Понимаю, что мои слова могут показаться бредом, но что, если?.. – Уилли провёл пятерней по волосам. – Что, если Джоан была... растерзана каким-нибудь животным... Ну, например...

Уилли говорил что-то еще, но Рэнди его уже не слышала. Ее точно холодом сковало – то был давний страх. Тот страх, который она испытала восемнадцать лет назад. Она стояла тогда у двери в кухню, мать ее тонко, по-детски всхлипывала, а полицейские что-то говорили. «Разорван каким-то животным», – отчетливо произнес один из них. Мать его не услышала, а может, не поняла, но Рэнди громко повторила фразу, и глаза всех присутствовавших вонзились в нее. «Господи, ребенок», – проговорил кто-то. Мать взяла Рэнди за руку, отвела в детскую и уложила в кровать. Расправляя складки на одеяле, она расплакалась... Расплакалась мать, а не Рэнди. Рэнди не проронила ни слезинки. Ни тогда, ни позже, на похоронах, ни годы спустя.

– Эй-эй! – До Рэнди, словно через слой ваты, донеслись крики Уилли. – Что с тобой?

– Да ничего, – выдавила она.

– Господи, ну и напугала же ты меня! Ты выглядела так, словно... Черт, подходящих слов не подберу, но мне стало жутко.

Рэнди, смерив Уилли тяжелым взглядом, заметила:

– В газете сообщалось, что Джоан Соренсон была убита. Убита, а не растерзана животным. Так почему же тебе на ум пришла эта версия?

– Не наседай на меня, Рэнди, я сам ничего толком не знаю. Это лишь предположение, что девушка была растерзана животным, но, может, ее убил сумасшедший. Маньяк. Называй, как хочешь. В газете не было подробностей. В чертовой газете никогда не бывает подробностей. – Дышал Уилли часто, со свистом; пальцы его впились в подлокотники кресла.

– Уилли, я сделаю все, что смогу, – пообещала Рэнди. – Но, по-моему, полиция и без меня разберется с убийством.

– Полиции я не доверяю. – Уилли помотал головой. – Рэнди, если полицейские станут копаться в вещах Джоан, то, вероятно, всплывет и мое имя.

– Так ты боишься, что на тебя падет подозрение?

– Черт возьми, не знаю! Возможно.

– У тебя есть алиби?

– Нет. Не совсем. – Уилли сделался совсем несчастным. – Я имею в виду, что у меня нет такого алиби, которое можно было бы предъявить в суде. Как раз наоборот. Я собирался... собирался навестить Джоан той злосчастной ночью. Она же могла написать мое имя на календаре! Я не желаю, чтобы полицейские совали нос в мои дела.

На Уилли навалился очередной приступ удушья, он достал из кармана ингалятор, зубами стащил с него пластиковый колпачок и впрыснул в рот дозу лекарства.

– По-моему, ты напрасно волнуешься, – заметила Рэнди.

– Ну так успокой меня. Ведь ты же обещала помогать? Тогда сядь мне на колени и прими самое горячее участие в моей судьбе! – предложил Уилли.

– Нет, – заявила Рэнди твердо. – Но тем не менее я берусь за твое дело.

3

Жил Уилли в Речном районе. Ему принадлежал двухэтажный дом из красного кирпича. Дом этот был выстроен в прошлом веке, когда Речной район был средоточием фабрик и заводов города. Времена с тех пор сильно изменились, район пришел в запустение, утратив былое промышленное значение, однако в память о прошлом Уилли досталась давно бездействующая пивоварня на первом этаже. Речной район не был престижным даже в прошлом веке, а тем паче – сейчас, но жить здесь Уилли нравилось. Нравилось бодрое журчание реки; нравилось кваканье лягушек прохладными вечерами; нравились радостные крики горожан, катающихся на лодках. Но особенно мил сердцу Уилли был старый деревянный пирс, стоявший буквально в двух шагах от дома. Так здорово было иной раз посидеть на теплых, нагретых за день досках и, неспешно размышляя, полюбоваться отражением луны в черной как смоль воде.

Мало кто жил в этом районе, и потому парковка автомобиля здесь не вызывала проблем. Уилли оставил свой огромный старомодный ярко-зеленый «Кадиллак» в двух футах от входной

двери. На возню с дверными запорами ушло добрых пять минут. Это понятно: житель окраины, в случае чего, мог полагаться только на крепость замков. На первом этаже, заваленном хламом с бывшей пивоварни, было тихо и спокойно. Уилли, закрыв за собой дверь и тщательно заперев ее на замки и засовы, поднялся на второй этаж, где располагались одиннадцать жилых комнат, служивших когда-то конторами.

Уилли был напуган гораздо сильнее, чем могла заметить Рэнди. Он был основательно выбит из колеи еще вчера вечером, когда, уловив запах человеческой крови, предположил, что Джоан совершила что-то совсем недопустимое. Но, прочитав в утренней газете, что жертвой стала именно она, Джоан, и что ее не просто убили, а изуродовали... Изуродовали. Что это означает? Только от одной этой мысли у Уилли кружилась голова, а к горлу подкатывал противный липкий комок.

Уилли вошел в гостиную – бывший кабинет владельца пивоварни. Окнами комната выходила на реку и обставлена была вещами самых разных эпох и стилей, но Уилли считал ее весьма милой. Еще бы: сплошной антиквариат, предмет за предметом собираемый годами. То была мебель, описанная за долги. Уилли привозил ее в свой дом, оплачивая долги дебиторов из собственного кармана.

Едва Уилли успел поставить чайник, как раздался звонок. Уилли резко повернулся и, нахмурившись, уставился на телефон. Отвечать было боязно. Ведь звонить могли из полиции... А может быть, это Рэнди? Или кто-то из друзей, вообще не имеющих отношения к этой истории. Уилли провел ладонью по лбу и снял трубку:

– Алло.

– Добрый вечер, Уильям. – Сочный бас принадлежал Джонатану Хармону, и у Уилли от него побежали мурашки. – Я весь день пытаюсь до тебя дозвониться.

– Я был занят, – сказал Уилли.

– Ты уже слышал о девчонке-калеке?

– Джоан, – заметил Уилли. – Ее звали Джоан. Да, я слышал. Все, что мне об этом известно, я вычитал в газете.

– Газета принадлежит мне, – напомнил Джонатан. – Уильям, нужно поговорить. Здесь, в «Черном камне», собираются почти все наши. Пришли уже Зоуи и Эми, с минуты на минуту появится Майкл. Стивен собрался за Лоренсом. Если ты сейчас свободен, он мог бы прихватить и тебя.

– Нет. Может, я и дешевка, но свободен бываю редко. – Уилли засмеялся, стремясь скрыть внезапно нахлынувший страх.

– Уильям, речь идет о жизни и смерти.

– Сдается мне, я слышу угрозу? Так заруби себе на носу: все, что знаю, все, до последнего слова, я написал на бумаге и копии письма раздал нескольким друзьям. – Голос Уилли прозвучал вполне уверенно, хотя, конечно, ничего он не писал и ничего не отдавал друзьям. – Если со мной случится то же, что и с Джоан, мои послания непременно попадут в полицию. Ты понял меня?

Уилли вдруг показалось, что Джонатан сейчас беззаботно промолвит: «А полиция принадлежит мне», но в течение нескольких секунд из трубки доносились лишь щелчки, затем послышался вздох, после чего заговорил Джонатан:

– Я понимаю, что смерть Джоан потрясла тебя, но...

– Не смей упоминать ее имени! – вскричал Уилли. – Ты, сукин сын, мизинца ее не стоишь! Мне прекрасно известно, какого ты был о ней мнения. И вот еще что, Хармон... Если выяснится, что в ее смерти повинен ты или твой полоумный отпрыск, то однажды ночью я сам наведаюсь в «Черный камень» и прикончу тебя или вас обоих. Джоан была совсем еще ребенком... Она... она...

Перед мысленным взором Уилли возник облик Джоан, он услышал ее смех, ему даже почудился ее едва уловимый запах, а затем он, будто воочию, увидел ее бегущей рядом с собой, а еще чуть позже почувствовал, как она трется о него всем телом и как волнами ходят под ее кожей тугие сильные мышцы... По щекам Уилли покатались слезы, а грудь сдавило железным обручем. Джонатан говорил еще что-то, но Уилли, не слушая его, швырнул трубку и немедленно выдернул штекер из телефонной розетки. Заметив, что почти вся вода выкипела, он выключил чайник, достал ингалятор и сделал два блаженных вдоха. Мало-помалу дыхание его восстановилось, слезы высохли, но неизъяснимая боль осталась камнем лежать на душе.

Мысленно вернувшись к недавнему разговору и вспомнив, какие угрозы он только что прокричал в телефон, Уилли спустился на первый этаж и проверил засовы и замки на всех дверях и окнах.

4

Если бы Рэнди действительно вознамерилась снять офис в самой неблагополучной части города, то подыскать для этого более подходящее место, чем Курьерская площадь, ей вряд ли бы удалось. Давным-давно эта площадь была центральной в городе, но крупные престижные магазины давно перекочевали в пригород, поближе к порту, а огромный старый кинотеатр «Замок», уже не в первый раз поменяв владельцев, раздробился на полутемные зальчики, где теперь круглосуточно крутили кино сомнительного содержания либо продавали журналы и книги для взрослых. Единственным островком относительного благополучия здесь оставался большой дом, где на этажах размещалась редакция, а в подвале – типография местной газеты «Курьер». Основатель «Курьера», старый Дуглас Хармон, всегда считал журналистику некоей разновидностью религии, и оттого, видимо, выстроенное на его деньги здание походило на собор. Правда, за пять десятилетий фасад из серого гранита покрылся толстой пленкой копоти, а грозные черты на мордах каменных волков, украшавших стены, основательно сгладились под влиянием кислотных дождей, но здание «Курьера» все же до сих пор напоминало о тех канувших в Лету временах, когда Курьерская площадь по праву считалась сердцем города, а газета – его душой.

Страхивая с пластикового плаща дождевые капли, в здание «Курьера» вошла Рэнди. Плащ был ей велик как минимум на два размера, но, поскольку то была не просто верхняя одежда, а своеобразный трофей, отвоеванный у бывшего мужа, носила она его просто из принципа. В холле за конторкой сидел охранник, над его головой висели десятки часов. Некогда они показывали время во всех крупнейших городах Земли, но теперь большинство часов застыли навеки. Холл был столь же мрачен, сколь и лицо охранника.

Рэнди сняла шляпку, поправила прическу и, приветливо улыбнувшись, уведомила охранника:

– Я пришла повидаться с Барри Шумахером.

– Третий этаж, – бросил тот, едва взглянув на Рэнди, и вновь углубился в яркий глянце-
вый журнал, лежавший у него на коленях.

Кабина допотопного лифта с железной решеткой, которую надлежало отодвигать вруч-
ную, минут пять грохотала и раскачивалась, но все же подняла Рэнди на третий этаж. Шумахер
задумчиво курил, сидя за своим столом.

– Посмотри в окно, – обратился он к Рэнди, едва та успела переступить порог. На тро-
туаре стояла девица в мини-юбке и мокрой от дождя облегающей футболке. – На ней же
нет лифчика, – заметил Барри. – А ведь торчит не где-нибудь, а перед «Замком». Забывают,
что в этом кинотеатре состоялась премьера «Унесенных ветром». Да и многих других замеча-
тельных фильмов... – Состроив недовольную гримасу, он толчком ноги развернул вращающе-
еся кресло и затушил окурок в пепельнице. – Да, все течет, все изменяется.

– А я плакала, когда умерла мама Бэмби, – призналась Рэнди.

– Ты смотрела «Бэмби» в «Замке»? – спросил Шумахер.

Рэнди кивнула.

– Помню, меня туда привел отец, но он не плакал. Вообще, плачущим я его видела лишь
однажды, но это было много позже и, конечно, не в кино.

– Фрэнк был замечательным человеком, – заметил Шумахер задумчиво.

За последние годы Барри располнел и облысел, но одевался по-прежнему безукориз-
ненно. Рэнди помнила его молоденьким поджарым репортером. В те годы он каждую неделю
по средам приходил к отцу составить партию в покер. Он шуточно ухаживал за Рэнди, обе-
щая жениться, когда она подрастет. Оба весело смеялись этим нехитрым шуткам. Теперь же

Шумахер стал совсем другим человеком; казалось, он не улыбался с победы Кеннеди на президентских выборах.

– Так чем я могу тебе помочь? – спросил Барри, немного помолчав.

– Расскажи мне об убийстве на Парковой улице все, что не попало в газету, – попросила Рэнди, садясь в кресло напротив.

– С чего ты взяла, что наша газета что-то утаила? – ответил вопросом на вопрос Шумахер.

– Разве ты забыл, что мой отец был полицейским? Именно поэтому мне известно, что полиция часто просит вас не публиковать некоторые подробности уголовных дел.

– Просить-то нас просят, но мы, как правило, имеем свое мнение на этот счет. – Барри зажег очередную сигарету.

– И на этот раз тоже?

Барри, пожав плечами, пробурчал:

– Некрасивое дело. Ужасное. Но мы написали о нем. Ведь так?

– В статье сообщалось, что жертву изуродовали. Что конкретно это значит?

– Там на полке стоит толковый словарь. Загляни в него и все поймешь.

– Значение слова мне известно, – сказала Рэнди, удивляясь тому, что Барри-то, оказывается, изменился к худшему не только внешне.

– Тогда тебе, наверное, известно, что наш «Курьер» читают и дети. Ты хочешь, чтобы мы заполнили свои страницы жуткими подробностями?

– Я говорю вовсе не о том, что следует, а чего не следует печатать в «Курьере». Мне лишь хочется знать подробности этого дела. У полиции есть версия, что девушка-калека была убита животным?

Барри, дернув головой, встретился с Рэнди глазами, и та на секунду увидела за стеклами его очков намек на ту теплоту, что была когда-то между ними.

– Убита животным? – переспросил Барри мягко. – С чего ты взяла? Тебя, наверное, волнует не смерть Джоан Соренсон, а смерть твоего отца? – Барри поднялся, обошел вокруг стола, положил руку на плечо Рэнди и заглянул в ее глаза: – Рэнди, солнышко, не терзай себя. Я тоже любил Фрэнка, но он мертв. Мертв вот уже... Подумать только, прошло уже почти двадцать лет! Коронер пришел к заключению, что твоего отца загрызла бешеная собака, и сомневаться в этом нет ни малейших оснований.

– Перед смертью отец полностью разрядил барабан своего револьвера. Ты можешь представить бешеную собаку, которая получила бы целых шесть пуль тридцать восьмого калибра и осталась в живых?

– Возможно, Фрэнк промазал, – предположил Барри.

– Он не промазал. – Рэнди отвернулась от Шумахера. – И хоронили его в закрытом гробу. Ведь его тело... – Даже по прошествии многих лет Рэнди было тяжело произносить эти слова, но она стала уже большой девочкой и потому, переборов себя, закончила фразу: – Было разорвано на куски и съедено. А животное так и не обнаружили.

– Должно быть, Фрэнк все же ранил его, и животное, где-то укрывшись, издохло. – Барри развернул Рэнди лицом к себе. – Возможно, дело было именно так, а возможно, нет. Твой отец погиб очень давно, детка, и его смерть не имеет ничего общего со смертью Джоан Соренсон.

– Так расскажи мне, что с ней случилось, – потребовала Рэнди.

– Послушай, я не намереваюсь... – Барри, заколебавшись, провел языком по губам, а затем все же вымолвил: – Она была убита ножом. Так, во всяком случае, написано в полицейском рапорте. – Барри присел на край стола, и в голосе его вновь послышались циничные нотки. – Какой-то псих, насмотревшись дурацких фильмов ужасов вроде «Хэллоуина», «Пятницы, тринадцатого» и прочих, зарезал Джоан острым как бритва ножом.

Поняв по голосу Шумахера, что вытянуть из него больше ничего не удастся, Рэнди поднялась:

– Спасибо.

Он не глядя кивнул и сказал:

– Солнышко, заглянула бы к нам как-нибудь на ужин. Адель о тебе часто спрашивает.

– Передай ей от меня привет. – Рэнди задержалась у двери и, вымученно улыбнувшись, спросила: – Барри, а тело Джоан было найдено полностью?

Он, секунду поколебавшись, обронил:

– Да, полностью.

В покер Барри обычно проигрывал. Соображал он неплохо, но, по словам отца Рэнди, блефовать не умел: его всегда выдавали глаза.

Вот и сейчас Рэнди совершенно определенно поняла, что Барри Шумахер солгал.

5

Звонок был сломан, пришлось стучать. Ответа за дверью не последовало, но Уилли, конечно же, не поддался на эту наивную уловку.

– Я точно знаю, миссис Джуддiker, что вы дома, – закричал он в окно. – Ваш телевизор было слышно за квартал, но, завидев меня, вы его выключили. – Он вновь постучал. – И не надейтесь, что я уйду, лучше сразу открывайте.

За дверью послышался и сразу же оборвался детский шепот. Уилли тяжело вздохнул. Почему, черт возьми, большинство дебиторов ведет себя так глупо? Уилли достал из кармана кредитную карточку, сунул ее в щель между дверью и косяком и надавил. Язычок замка легко поддался, раздался щелчок. Уилли распахнул дверь и вошел, готовясь услышать отчаянный крик, но его встретила гробовая тишина.

Все шторы на окнах были закрыты, а посреди полутемной гостиной стояли, раскрыв рты, женщина и двое детей. На женщине был белый махровый халатик, а сама она выглядела даже моложе, чем показалось Уилли по телефону.

– Вы не можете так просто взять и вломиться в чужой дом, – едва слышно возмутилась она.

– Но именно это я только что сделал. – Уилли закрыл за собой дверь, и в комнате стало совсем темно. Уилли это не понравилось, и он спросил: – Не возражаете, если я зажгу свет?

Не дождавшись ответа, он нащупал на стене выключатель и нажал на него. Зажглась безвкусная, с висюльками из прозрачного пластика, люстра. Мебель в комнате оказалась ветхой, ободранной, в общем, такой, какую жертвуют Армии Спасения, но в углу стоял огромный современный телевизор. Старший ребенок – девочка лет четырех – вскочил и, встав к телевизору спиной, попытался загородить его.

Уилли улыбнулся ей, но ответной улыбки не получил. Он повернулся к матери, брюнетке лет двадцати, с веснушками на носу; весила она, похоже, фунтов на десять больше нормы, но это не портило ее.

– Купите цепочку на дверь, – посоветовал ей Уилли. – И в будущем никогда не прячьтесь от «Гончих ада». Договорились? – Он сел в шезлонг из винила, части которого были скреплены между собой электрическими проводами. – Не предложите ли чего-нибудь выпить? Я не привередлив, подойдет что угодно: кока, молоко, сок. – Ни мать, ни дети даже не пошевелились, и тогда Уилли добавил: – Не бойтесь, я не продаю детей для медицинских экспериментов. Я зашел лишь поговорить о ваших финансовых проблемах.

– Вы заберете у нас телевизор, – уверенно заявила миссис Джуддiker.

Уилли, окинув взглядом монстра в углу, поежился.

– У меня спина болит. Да еще и астма в придачу. – В доказательство Уилли достал из кармана ингалятор. – А ваш телик весит никак не меньше тысячи фунтов. Вы что же, моей смерти хотите?

Обстановка в гостиной несколько потеплела.

– Бобби, принеси, пожалуйста, нашему гостю попить, – обратилась мать к мальчику.

Тот, громко топая, убежал на кухню, а сама миссис Джуддiker, тщательно запахнув полы халата, села на низенькую софу и обратилась к Уилли:

– Я уже говорила вам по телефону, мистер, что денег у нас нет. Муж бросил меня, но даже если бы и не бросил, денег все равно бы не нашлось. Ведь с тех пор, как два года назад закрылась скотобойня, он толком нигде не работает.

– Это мне известно. – Уилли достал из внутреннего кармана плаща записную книжку и, перелистав несколько страничек, сказал: – Итак, последнее время тактика ваша была такова: вы приобретали некоторые вещи и продукты, а затем съезжали на новую квартиру, не оставив

адреса. В итоге вы задолжали две тысячи восемьсот шестьдесят долларов и тридцать один цент. Сумму набежавших процентов я пока не учитываю.

Вернулся Бобби и вручил Уилли жестянку с диетическим безалкогольным пивом. Тот вскрыл ее и, усилием воли заставив себя не морщиться, сделал глоток.

– Дети, поиграйте на заднем дворе, – велела миссис Джуддiker. – Взрослым надо поговорить. – Сама она вовсе не выглядела взрослой, и Уилли опасался, что она вот-вот расплачется. – Это Эд купил телевизор, – пояснила она дрожащим голосом. – Но в том нет его вины, мистер. Кредитная карточка на его имя пришла по почте.

Уилли был прекрасно известен этот жульнический трюк. Кредитная карточка приходит по почте, а ее счастливый обладатель на следующий же день несется в ближайший магазин и делает там покупку настолько дорогую, насколько позволяет кредит.

– Понимаю, что не по своей вине вы попали в эту пренеприятнейшую историю, – посочувствовал Уилли. – Но тогда сообщите мне, где найти Эда, и я получу деньги с него.

Миссис Джуддiker невесело рассмеялась:

– Сразу видно, мистер, что вы не знакомы с Эдом. На скотобойне он работал грузчиком, и ручищи у него такие, что он любому голову свернет, только его тронь.

– Такой мужской разговор как раз по мне. Просто не терпится пообщаться с вашим муженьком.

– А вы меня не выдадите? – с опаской поинтересовалась женщина.

– Честное скаутское, не скажу. – Уилли поднял руку в торжественном салюте, но испортил эффектный жест, опрокинув жестянку с пивом.

– Так вы – скаут, мистер? – удивилась миссис Джуддiker.

– Нет, – признался Уилли, – но всегда мечтал им стать.

Женщина, впервые улыбнувшись, проговорила:

– Что ж, коли вам не терпится на собственные похороны, то это – ваше личное дело. – Миссис Джуддiker пожала плечами: – Мой бывший связался с какой-то шлюхой и последнее время живет у нее. Не знаю где, но мне известно, что по выходным он подрабатывает в баре «Чистюля».

– Знакомый адрес.

– Этот пройдоха там не зарегистрировался, – с неприязнью добавила она. – Таким образом, он получает еще и пособие по безработице. И вы думаете, он прислал хотя бы цент для собственных детей? Держи карман шире!

– Как много, по вашим подсчетам, он вам задолжал?

– Да порядочно.

Уилли поднялся.

– Знаете, после того как я получу с вашего мужа банковский долг, надеюсь, сумею вытрясти из него кое-что и для вас.

Миссис Джуддiker, с изумлением глядя на Уилли, спросила:

– Вы это серьезно, мистер?

– Вполне. – Уилли достал бумажник, вытащил из него двадцать долларов и протянул ей: – Вот, держите аванс. И не волнуйтесь, Эд как миленький вернет мне деньги. – Миссис Джуддiker с недоверием взяла купюру, а Уилли, покопавшись во внутреннем кармане плаща, сунул ей в руку еще и пару дешевых ножниц. – Это – «Мистер Ножницы». Отныне он станет вашим лучшим другом.

Миссис Джуддiker уставилась на Уилли как на сумасшедшего.

– Непременно познакомьте «Мистера Ножницы» со следующей кредитной карточкой, которая придет к вам по почте, – посоветовал Уилли. – И тогда иметь дело с типом вроде меня вам впредь не придется.

Уилли открыл дверь, но миссис Джуддiker остановила его, схватив за руку:

– Вы даже не сказали, как вас зовут...

– Уилли.

– А я – Бетси. – Она коснулась его щеки губами и тут же отступила на шаг. – И вовсе ты, Уилли, не «тип».

Женщина закрыла дверь, а Уилли зашагал прочь. Впервые после смерти Джоан тяжелый камень на его душе стал немного полегче. Уилли сел в свой «Кадиллак», припаркованный у обочины, завел двигатель и, взглянув в зеркало, заметил вперившийся в него взгляд.

Иногда после половодья на берегу реки остаются лужицы с неподвижной, застойной водой, глядя в которые обычно гадаешь, не пути ли это в бездну земную, и если да, то кто обитает там, в глубинах. Так вот, именно такого белесо-голубого цвета были глаза у человека, забравшегося на заднее сиденье. Кроме того, он обладал впалыми щеками и жиденькими выцветшими волосами до плеч.

Уилли резко обернулся:

– Ты что, черт побери, здесь делаешь, Стивен? Не нашел лучшего места подремать?! Да будет тебе известно, эта машина – одна из немногих вещей в городе, которые не принадлежат Хармонам.

– С тобой желает поговорить Джонатан, – проговорил Стивен таким же безжизненным голосом, каким выглядело его лицо.

– А ему не пришло в голову, что я вовсе не намерен с ним разговаривать?

– С тобой желает поговорить Джонатан, – повторил Стивен, будто имел дело с глухим, и, подавшись вперед, со свирепой, нечеловеческой силой стиснул плечо Уилли: – Поезжай, да поскорее.

И Уилли поехал.

6

– К сожалению, шеф сегодня занят под завязку, – заявила секретарша в полицейской форме. – Если хотите, я запишу вас на прием в четверг.

– Мистер Эркухарт нужен мне сейчас, а не в четверг.

Рэнди терпеть не могла полицейских участков, потому что в них всегда полным-полно полицейских, а все полицейские, по ее мнению, делились на три категории: те, кто видит в ней только привлекательную женщину, с которой не грех и позаигрывать; те, кто знает ее как частного детектива и недолюбливает за это; и, наконец, третьи, полицейские постарше, считающие ее маленькой дочкой своего погибшего коллеги и всем сердцем сочувствующие ей. Полицейские первого и второго типа раздражали Рэнди, а третьего – приводили в ярость.

Секретарша, недовольно наморщив носик, твердо заявила:

– Как я уже объяснила, сегодня он вас не примет.

– Хотя бы доложите ему, что я пришла, – попросила Рэнди.

– Он занят и не велел его беспокоить.

– Раз вы не желаете сообщить мистеру Эркухарту о моем визите, то я сделаю это за вас.

Рэнди стремительно обогнула стол секретарши.

– Вам не полагается здесь находиться! – закричала та, но Рэнди рывком распахнула дверь и быстро вошла в кабинет начальника городской полиции.

За необъятым письменным столом сидели двое: сам Джозеф Эркухарт и коронер. Оба вскинулись на стук двери.

Высокому плечистому Эркухарту недавно перевалило за шестьдесят; его волосы хотя и заметно поредели, но не утратили своего огненно-рыжего цвета, брови же давно стали седыми.

– Какого черта?.. – начал он.

– Извините, но секретарша препятствовала нашей встрече, – нахально сказала Рэнди.

– Юная леди, да будет тебе известно, что здесь не детский сад, а кабинет начальника полиции, и никому не позволено столь бесцеремонно в него вторгаться, – прогремел Эркухарт, поднимаясь из-за стола. – Хотя я готов простить тебя, если ты, конечно, немедленно подойдешь и крепко обнимешь своего дядюшку Джо.

Рэнди, улыбаясь, прошла по шкуре огромного медведя, расстеленной вместо ковра, обняла Эркухарта и прижалась щекой к его груди. Наконец Рэнди отстранилась и произнесла:

– Мне тебя не хватало, дядюшка Джо.

– Конечно не хватало, – ворчливо проговорил тот. – Оттого, наверное, мы с тобой и видимся так часто?

Джозеф многие годы был напарником и другом отца Рэнди, так что Эркухарты стали для нее почти дядюшкой и тетушкой. Их старшая дочь нянчилась с Рэнди, когда та была крошкой, а Рэнди, в свою очередь, помогала растить их младшую дочь. После гибели Фрэнка семьи Уэйдов и Эркухартов постепенно отдалились, так что последнее время Рэнди виделась со стариком лишь дважды в году и испытывала по этому поводу угрызения совести.

– Извини, – промолвила Рэнди. – Знаю, мне следовало бы почаще навещать тебя и тетушку Люси, но, понимаешь, все как-то...

– Тебе постоянно не хватает времени, – закончил за нее Джо.

Сильвия Куни, служившая в должности coronera столько, сколько ее помнила Рэнди, кашлянув, спросила:

– Может, мне оставить вас наедине?

– Нет, подождите, пожалуйста, – задержала ее Рэнди. – Я как раз собиралась расспросить вас о смерти Джоан Соренсон. Результаты вскрытия уже известны?

Куня метнула взгляд на начальника полиции, а затем вновь остановила его на Рэнди.

– Ничего не могу сказать вам по этому поводу, – отрезала она и решительно покинула кабинет.

– Результаты вскрытия не будут предаваться огласке, – пояснил Джо Эркухарт и, обойдя стол, указал рукой на кресло: – Да ты присаживайся.

Рэнди, сев, оглядела кабинет. На стене висели дипломы, свидетельства и фотографии в рамках, на многих из которых вместе с молодым еще Джо был запечатлен и столь же молодой отец Рэнди; высоко, под самым потолком, висела голова американского лося; на соседней стене располагались другие охотничьи трофеи.

– Все еще ходишь на охоту? – спросила Рэнди.

– Давненько не хаживал, – признался Джозеф. – Все дела, понимаешь, дела. А твой отец всегда подшучивал над моей страстью. Говорил, что если я убью какого мерзавца по службе, то закажу из него чучело. Однажды мне действительно пришлось застрелить преступника, и шутка сразу перестала быть смешной. – Он нахмурился: – А почему тебя так интересуют обстоятельства смерти Джоан Соренсон?

– Чисто профессиональный интерес, – пояснила Рэнди.

– Вроде бы раскрытие убийств – не по твоей части?

Рэнди пожала плечами:

– Чем мне заниматься, решает клиент.

– Ты понапрасну растрачиваешь жизнь, копаясь в грязном белье мотелей, – изрек Джозеф. – Тебе еще не поздно поступить в полицию.

– Нет, я останусь частным детективом. – В разъяснения своей жизненной позиции Рэнди вдаваться не стала, поскольку знала тщетность подобных попыток. – Послушай, я потратила целое утро, чтобы заглянуть в дело об убийстве Соренсон, но его, похоже, никто в глаза не видел. Затем я расспрашивала полицейских, ведущих расследование, но они все как в рот воды набрали. В довершение всего выясняется, что результаты вскрытия хранятся в строжайшем секрете. Джозеф, объясни, пожалуйста, что происходит.

Тот повернул голову направо и, рассеянно разглядывая дождевые капли на оконном стекле, произнес:

– Дело крайне щепетильное и потому огласке не подлежит. Не хватало, чтобы газетчики подняли по этому поводу вой до небес.

– Но я-то не газетчик, – напомнила Рэнди.

Эркухарт, резко повернув голову, посмотрел ей в глаза:

– Но ты и не полицейский. Так уж ты решила, Рэнди. Послушайся моего совета – не ввязывайся в это дело.

– Я в него уже ввязалась, нравится тебе это или нет, – заявила Рэнди и снова перешла в атаку: – Как погибла Джоан Соренсон? На нее напало животное?

– Нет, вовсе не животное. – Эркухарт тяжело вздохнул: – Я знаю, девочка, как тяжело ты переживаешь смерть отца, но и для меня это тоже не прошло бесследно. Понимаешь? Он позвонил мне, просил его прикрыть, а я не подоспел вовремя. Думаешь, я когда-нибудь прощу себе это? – Он покачал головой: – Не терзай себя понапрасну, Рэнди, не давай волю воображению.

– То, о чем я спрашиваю, вовсе не плоды девичьих фантазий.

– Считай, как знаешь. – Джо взял со стола стопку папок с уголовными делами, выдвинул ящик и не глядя сунул их вглубь. Рэнди успела прочитать фамилию на верхнем деле. Поднявшись, Джо сказал: – Извини, я занят. Если ты не против...

– Ты перечитываешь дело Хелендера? – поспешно спросила Рэнди. – Считаешь, что он как-то связан с убийством Соренсон?

Эркухарт, резко сев, выругался:

– Черт!

– Может, скажешь, что фамилия на папке – тоже плод моего не в меру буйного воображения?

– Есть предположение, что мальчишка Хелендер вернулся в город, – с явной неохотой признал Эркухарт.

– Мальчишкой его вряд ли уже назовешь, – заметила Рэнди. – Ведь Рой Хелендер старше меня на три года. Он разыскивается в связи с убийством Соренсон?

– Из психбольницы штата его выпустили три месяца назад, как полностью излечившегося. – Эркухарт нахмурился: – Возможно, убийство Соренсон – его рук дело, а возможно, нет. В любом случае это только версия, которую мы отрабатываем, а всего таких версий наберется с добрую дюжину.

– Где Рой Хелендер сейчас?

– Знал бы – не сказал! И твой отец на моем месте поступил бы точно так же.

– Мой отец мертв. – Рэнди поднялась из кресла. – И я давно уже не маленькая девочка.

7

Уилли остановил машину в тупике, которым заканчивалась Тринадцатая улица. На утесе за рекой возвышалось обнесенное неприступной кованой изгородью родовое поместье Хармонов. Тем, кто желал добраться туда на машине, пришлось бы, выехав из города, оставить позади фермы Гранда и Хитона, затем, развернувшись почти на сто восемьдесят градусов, спуститься с холма и прокатиться по площадке у основания утеса, где вдоль реки стоят облезлые многоквартирные дома. Да, дорога на автомобиле из центра города в родовое гнездо Хармонов отняла бы много времени и сил, и потому неудивительно, что владелец «Курьера», богач Дуглас Хармон, выстроил личную канатную дорогу, которая напрямую соединила порог его дома с тупиком на Тринадцатой улице.

Уилли вышел из «Кадиллака» и, сунув руки в карманы мешковатого плаща, посмотрел вверх, на крутой, каменистый, а сейчас еще и мокрый утес. Стивен грубо схватил Уилли за локоть и подтолкнул к кабине канатной дороги. Уилли послушно залез в кабину и занял место на деревянной, давно не крашенной, как сама кабина, скамейке. Стивен, усевшись рядом, потянул за сигнальную веревку. Наверху что-то противно заскрипело, и кабина, дернувшись, пошла вверх.

Вторая кабина, скользившая вниз, поравнялась с первой как раз посередине пути, и Уилли, заметив ржавчину на ее дверцах, подумал, что даже здесь, совсем рядом с «Черным камнем», все приходит в упадок.

У вершины утеса кабина прошла через дыру в проволочной изгороди, и глазам Уилли открылся Новый дом – безвкусная, но пышно разукрашенная постройка в викторианском стиле с остроконечной крышей, башенками и колоннами. Семейство Хармонов перебралось в этот дом уже почти столетие назад, но он так и остался для них Новым. Позади него виднелся густой неухоженный лес, прорезанный петляющим шоссе. К востоку, на фоне темно-алого неба, Уилли заметил башню – часть Старого дома. Дом этот, сложенный из темного, словно покрытого копотью камня, и дал название всему поместью – «Черный камень». Поговаривали, что в Старом доме обитают привидения, в чем сам Уилли не сомневался: один вид зловещего дома вызывал у него озноб.

Кабина задрожала и остановилась, Уилли со Стивеном вышли на деревянную площадку, выкрашенную когда-то белой краской. С площадки в Новый дом вели широкие створчатые двери. Перед ними стоял высокий худой Джонатан Хармон. Уилли знал, что этому человеку было не более шестидесяти, но длинные, белые как снег волосы и искореженные артритом суставы делали его дряхлым стариком.

– Привет, Уилли, – сказал Джонатан. – Рад, что ты навестил меня.

– Да вот, был тут по соседству, как, думаю, не зайти, – напустив на себя вид идиота, зачастил Уилли. – Только вот, понимаешь, я вроде бы оставил дома открытыми окна: боюсь, если вдруг пойдет дождь, то у меня все шторы вымокнут. Сбегаю-ка я домой, затворю ставни и по-быстрому вернусь.

– Нет, – твердо заявил Джонатан. – Пока ты останешься здесь.

Чувствуя, что грудь сдавливает стальной обруч, Уилли поспешно достал из кармана ингалятор, сделал два глубоких вдоха, после чего произнес:

– Ладно, считай, что уболтал меня. Но тогда уж ставь выпивку, а то после диетического пива вкус во рту омерзительный.

– Стивен, будь добр, принеси нашему другу Уилли бокал бренди. Да и мне еще один прихвати, а то что-то кости ломит.

Стивен молча удалился, Уилли было двинулся следом, но его остановило мягкое прикосновение Джонатана:

– Секундочку. – Старик махнул рукой: – Посмотри. Приступ страха почти оставил Уилли. Если бы Джонатан хотел его смерти, то Стивен без труда выполнил бы его волю. Нет, пройдоха Хелендер явно намерен заключить с ним сделку. Вопрос только в том, какую.

Уилли повернулся. Ветер, отогнав облака к северу, очистил бархатистое, цвета темного кобальта небо, на котором засияла молодая луна. Уилли, проследив за взглядом старика, обратил взор на восток, за реку, где множество уличных огней высвечивало из мрака город.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.